

О ТЕРМИНЕ И ПОНЯТИИ «ЭТИКЕТ»

«Слова устают и изнашиваются, как устают и изнашиваются люди, при случае может понадобиться замена»

Г. Марсель

Интерес к понятийно-терминологическим границам «этикет» стимулирован все возрастающим его присутствием в различных сферах современной социальной жизни, ранее его обходивших: реклама, масс-медиа, паблик рилейшнс), а также новых отраслей гуманитарного знания, включающих «этикет» в свой терминологический арсенал (лингвистика, семиология, социальная психология). Хождение слова «этикет» в нестрогом его значении создает определенные препятствия для осмысления информации и продвижения исследований в области социальной коммуникации.

В настоящее время включение этикета в понятийно-категориальный аппарат философии еще находится в статусе постановки проблемы. Это обусловлено существованием устойчивого обиходного употребления термин «этикет» в обозначении любого дискурса культурной поведенческой активности. По сути «этикет» выступает эквивалентом понятия «культура поведения». При этом среди большого количества отдельных характеристик культуры поведения имеют место такие, которые в обиходном употреблении используются как равнозначные этикета или даже синонимичные ему: «ритуал», «церемониал». Сюда со всей определенностью можно отнести и «вежливость», а также «приличие» и «пристойность». Вольное употребление этих слов при кажущимся подобии их значений приводит к отступлению от строгого использования термина и понятия «этикет» в его интерпретации феномена культуры поведения.

Трактовка понятия «этикет» нашла отражение в трудах отечественных и зарубежных специалистов в области философско-этического знания (Волченко Л.Б., Вольф Р.П., Малахов В.А.). Несмотря на это, проблема соотношения термина и понятия «этикет» остается дискуссионной и малоизученной. Это и определило основную цель данной статьи – обозначить предметную область понятия «этикет» в его терминологических границах.

Этимологически термин «этикет» восходит к французскому слову *etiquette*, которое имеет следующие исходных значения: ярлык, этикетка и этикет, церемониал. Современные словари дают более широкое толкование и «этикет» уже подается как «установленный порядок поведения» [13]. Такая лаконичная трактовка утрачивает не только оттенок в употреблении данного термина, но и «умалчивает» о некоторых его прямых значениях. В другом

случае «этикет» уже представлен как «установленный порядок поведения, форм обхождения» (в дипломатических кругах, при дворе монарха и т.п. [11] и как «установленный порядок образа действия, поведения, форм обхождения» (в высшем обществе, при дворе и т.п.) [16]. Представляя «этикет» как установленный порядок поведения, справочно-информационная литература дает исходное ознакомление с данным термином, не раскрывая специфики того явления, для которого этот термин изначально предназначен. При этом следует обратить внимание на то, что в приведенных трактовках термина «этикета» отмечены пространственные сферы, характеризующиеся установленным порядком поведения, особым образом действий и форм обхождения (двор монархов, дипломатические круги, высшее общество). Это связано с тем, что окультуривание поведения, усложнение его механизмов, разработка техники исполнения поступков и действий, декорирование их, создание оригинального метаязыка социального взаимодействия исходило из элитарных сфер общественной жизни.

Относительно происхождения термина «этикет» имеют место две точки зрения. Согласно одной, которая обозначена Надель-Червинской М.А. и Червинским П.П., «этикет» происходит от греческого «ethos», что означает привычку, обыкновение, обычай, иметь обыкновение [10]. Согласно другой, представленной исследователем Добродомовым И.Г., французское слово *etiquette* восходит к голландскому существительному *stick*, которое обозначало колышек или пенек, к которому крепилась записка с названием товара. Затем так стала называться сама записка. С течением времени в языке парижского двора у слова «этикет» появилось более узкое значение – записка, в которой извещалось о порядке протекания церемониальных действий при дворе монарха [8, С. 129]. Став образцом для подражания, церемониал французского двора, как и слово, его обозначающее, постепенно проникло в культуру и язык многих стран Европы. В русский язык слово «этикет» в значении церемониал вошло в начале XX века, о чем свидетельствует «Карманный словарь иностранных слов» Н.Я. Гавкина, вышедший в Киеве в 1903 г. Здесь дается три значения термина *этикет*: правила обращения при дворе, уточненное обращение, ярлык, наклеиваемый на бутылки и обертки товаров с обозначением названия фирмы, торговца или производителя. В отличие от других словарей здесь обращают на себя внимание два существенных дополнения в толковании термина «этикет» – это правила обращения, с помощью которых, надо понимать, и устанавливается надлежащий порядок, и само обращение, но не любое, а, что следует подчеркнуть, уточненное обращение. В контексте исследования лингвистического поля «этикета» такое уточнение проясняет, что этим

термином обозначается и оригинальный срез социального взаимодействия, вид общения, именуемый утонченным обращением или обходительностью.

Относительно смысловой наполненности термина «этикет» оригинален труд В.И. Даля, автора «Толкового словаря живого великорусского языка». В данном труде «этикет» представлен как «чин, порядок, светский обык внешних обрядов и приличия; условная ломливая вежливость; церемониал; внешняя обрядливость» [7, С. 665]. Теперь «этикет» характеризуется как обрядливость, декорирование внешней стороны поведения. Привносится и еще одно новое значение, ранее себя не обнаружившее. Этикет показан как вежливость, но вежливость не в значении личностного качества или морального параметра поведения, а как способ оформления поступков и действий или прием, с помощью которого устанавливается доброжелательное общение. Именно поэтому в трактовке В.И. Даля «вежливость» относительно «этикета» обозначается как ломливая, условная, как бы специально уготовленная, наигранная, тенденциозная. Наносной, искусственный характер этикетного В.И. Даль подчеркивает следующей сентенцией: «с важностью и настойчивостью блюсти этикет, будто дело» [7, С. 665].

Согласно словарю В.И. Даля, «этикет» соотносится не только с «вежливостью», но и «приличием». «Приличие» дается исследователем в дополнительной конкретизации: «соотнесенность, сообразность, стать, пристойность, благопристойность; обычайность, вежливость» [7, С. 423].

Толковые словари свидетельствуют и о рядоположенности таких терминов, как «вежливость» и «учтивость». «Вежливость» трактуется как «учтивость, благовоспитанность, соблюдение бытовых приличий», а «учтивый» показан как «почтительно-вежливый в обращении с другими» [16].

Используя «вежливость» и «учтивость» как входящие в значение термина «этикет», становится возможным квалифицировать внешнюю, визуальную сторону поведения через аксиологическую императивность.

Обращает на себя внимание тот факт, что во французском языке имеет место термин, специально используемый для обозначения вежливости по отношению к утонченному обращению, обходительности – это политес (politesse). В переводе с французского «политес» в частности означает быть особенно вежливым, состязаться с кем-нибудь в вежливости, здороваться, прощаться. Политес, таким образом, используется для характеристики культуры индивидуального поведения, а не коллективных действий, каким является церемониал [5, С. 17].

Следует отметить, что в философско-просветительской и педагогической

литературе, в поучениях и наставлениях «этикет» чаще встречается, обозначая вежливость, учтивость, приличие, нежели установленный порядок действий. Окультуренное поведение, кроме упорядоченности, согласованности, церемониальности получает дополнительные характеристики через систему устойчивых эпитетов. Что касается оформления поведения, средств его выразительности, которые сосредотачиваются главным образом в манерах, то этикетное поведение определяется как утонченное, изысканное, благопристойное, непринужденное, а не соответствующее этикету – грубое, чопорное, неотесанное и прочее. Такими эпитетами чаще всего наделяется индивидуальное поведение в зависимости от того, какими манерами оно «наполнено». Манеры включают в себя многочисленные и порой едва уловимые состояния телесной активности, «рисунки» мимики, поз, жестов, взглядов, интонаций голоса и прочее как в отдельности, так и в совокупности, применительно как к ее ситуации, так и событию.

В характеристике особенностей упорядоченного, организованного, оформленного поведения особое место занимают метафорические обороты. Для обозначения морально-психологического настроения, которым наполняются состояния обходительности как особого коммуникативного состояния, имеют едва ли не определяющее значение эмоционально-экспрессивная лексика и сравнительные обороты. Через метафору фиксирует себя стереотип поведения, приобретший целостность, наделенный образностью. Она, метафора, подчеркивает сходство двух агентов через их непосредственное сопоставление, неразрывную связь, например, «светский лев», «лак высшего тона», «изысканная небрежность» и другие. Метафоричность сокрыта и в отдельных словах, фиксирующих моменты обходительности или утонченного обращения. Это – «деликатный», т.е. мягкий, любезный, проявляющий или имитирующий любовь.

В исследовании культуры поведения метафора выступает тем орудием мысли, при помощи которого, по словам Ортеги-и-Гассета, нам удается достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля [12, С. 72].

«Выставляя напоказ» некоторые факторы формально организованной коммуникативности, метафора замещает установившиеся определения другими, такими, которые помогают увидеть проблему в новом ракурсе. Здесь метафора являет собой средство для передачи семантического сдвига, переноса смысловой нагрузки с одного слова на другой или на сочетание слов. Такая судьба была уготована выражению «хороший тон», вошедшему в философско-просветительские исследования (И. Кант, К. Гельвеций,

А. Шопенгауэр). По отношению к поведению, общению и манерам приобрели устойчивость оценочные суждения, закрепленные словами «хороший» (хороший человек, хорошее общество, хорошие манеры) и «дурной» как противоположный всему «хорошему». «Хороший» в данном случае означал и означает позитив, который влечет за собой удовлетворение, удовольствие от восприятия, манер, приемов поведения, общения, обращения, контакта и прочее.

Упорядочивание действий предполагает моделирование манер, подчинение индивидуальных особенностей в создании внешней картины поведения общим требованиям, заданным тем или иным сообществом для определенной цели. В церемониале, как и в ритуале или простой процедуре, происходит нивелировка индивидуализированных форм поведения ради создания единого механизма взаимодействия.

Вежливость, приличие, пристойность (благопристойность) становятся показателями не только упорядоченного поведения, но и мерилom морально-психологического потенциала личности, способной к предупредительности, толерантности, уважительности, проявляющей желание и умение ориентироваться на окружающих, вписываться в заданный сценарий происходящего.

Степень овладения искусством утонченного обращения, употребление приемов культурного поведения приводит к образованию нормативных образцов и в поведении, и в способе существования, и в реализации жизненных принципов. В различные периоды истории европейской культуры эти образцы определились как устойчивые и относительно самостоятельные. Известен тип придворного или светского человека, а также джентльмена, педанта, денди, щеголя, франта, фразера, кокетки и прочее.

Особенность церемониальных, упорядоченных действий заключается в наличии своеобразной стратегии. Здесь обнаруживаются устойчивые приемы и импровизации, преимущества стиля. Логически строгие дефиниции, дихотомии или обоснования, аргументированные суждения не способны отразить всю вариативность такого поведения и воссоздать впечатление от него. На помощь приходят идиомы. Идиоматические словосочетания несут в себе мысль завуалированную, скрытую, но понятную и известную определенному кругу людей, искушенных в утонченном обращении. К наиболее распространенным идиоматическим выражениям, характеризующим этикетное поведение, можно отнести такие, как «комильфо», «положение обязывает», «ложный стыд», «секрет Полишинеля».

С уходом с исторической арены абсолютной монархии в европейской

культуре наметились изменения и в состоянии культуры поведения: придворный этикет трансформируется в светские приличия, соответствующие демократическим тенденциям республиканской власти. Упорядоченные, возведенные в нерушимую систему, следующие друг за другом и заранее оговоренные действия утрачивают обязательность. Становясь востребованным широким социальным кругом (уже не двором, а светом, салоном), культурное поведение наполняется универсальными приемами, утрачивает искусственность и наносное излишество. «Миссия, исполнение которой берет на себя свет, – миссия культурная, а именно смягчение нравов... Иными словами, свет претендует на звание авангарда цивилизации. Ради исполнения этой миссии светские люди свято чтят условности и правила хорошего тона, стараются быть в курсе всех хитросплетений политики, носят элегантную одежду и, главное, пестуют все произведения человеческого ума» [9, С. 408-409].

«Хороший» в сочетании «хороший тон» сродни достойному, приличному, приятному, т.е. вызывающему удовольствие, как, например «удовольствие за хорошим обеденным столом в хорошем обществе» (И. Кант). В данном случае «тон», заимствованный из музыкальной терминологии, приобретает философскую интерпретацию. Пришедший в латинский язык от греческого «тон» в исходном своем значении есть натяжение, ударение, акцент. Метафорический оборот «хороший тон» в поведении, общении или обращении указывает на доминанту, отражающую особенность события, будь-то беседа, застолье, прогулка, способ держаться, одеваться и прочее. В широком своем хождении «тон» сам по себе и в сочетании с эпитетами «хороший», «дурной», «сниженный», «обиходный», «возвышенно-торжественный» по отношению к социальному действию, по мнению М. Бахтина, указывает на «установку сознания, нравственно значимую и ответственно активную» [2, С. 109].

Тон, тональность, интонирование по отношению к поведению представляют собой эмоциональную нагруженность вербальных и невербальных приемов передачи мыслей и переживаний. Хороший тон как факт социальной деятельности можно представить через совокупность семантических средств, способных вызвать к себе положительное отношение со стороны окружающих. То, что относится к хорошему тону, можно описать, объяснить, перечислить, так как в конечном итоге оно предстает через систему единичного, конкретного, ситуативного. Это, к примеру, было предпринято в поучительной книге, увидевшей свет в XIX веке в Санкт-Петербурге. «Хороший тон, – пишется в ней, – состоит из бесчисленного множества приемов, но имеющих основанием приличие, нравственность и

вежливость» [18, С. 180-181]. Примечательно, что вежливость, приличие и хороший тон употребляется здесь не как однопорядковые понятия. Вежливость составляет основу хорошего тона. Вежливость показана не просто как добродетель, а соединяющая все те добродетели, которые необходимы для утонченного обращения, обходительности, этикета. При этом «качество» обходительности в свою очередь зависит от того, в какой мере добродетели реализованы в поведении, зафиксированы в формах его проявления. Последнее обуславливает оттенки поведенческой активности с точки зрения их соответствия требованиям культуры, совершенства, цивилизованности: подчеркнутая вежливость, формальная вежливость, а также банальная, фальшивая, непринужденная, истинная. Вежливость есть первый наружный знак хорошего тона, отличительный и дозволенный покров от неприятных впечатлений. Любезность, в свою очередь, только то, что выражает вежливость. Любезность привносит в общение легкость, которая всегда производит хорошее и выгодное впечатление [18, С. 187-189].

В настоящее время в специальных трудах, обращенных к этикету, отсутствует единый подход к обозначению его смысловых границ. Однако имеющиеся расхождения могут вполне вписаться в несколько подходов к попытке интерпретации этикета. Под этикетом подразумевается понимать совокупность требований к внешней стороне поведения, которые приобретают вид элементарных правил. Этикет предстает так же как некая самостоятельная поведенческая практика, выстроенная или оформленная согласно распространенным в обществе требованиям к культурному общению людей друг с другом. Так, например, в словаре по этике этикет дается как «совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям, обхождение с окружающими, формы обращения и приветствия, поведения в общественных местах, манеры и одежда» [14, С. 431]. Л.Б. Волченко обращает внимание на способность этикета украшать, декорировать, эстетизировать поведение. «Под этикетом, – подчеркивает автор, – я понимаю правила поведения людей в обществе, отобранные практикой человеческого общения в целях сделать его максимально человечным, приятным и по возможности красивым» [4, С. 5]. В своем определении этикета В.И. Бакштановский соотносит правила этикета с процессом морального регулирования. Этикет (как делать), по его мнению – это правило нравственного поведения, регламентирующие форму проявления отношений личности к моральным ценностям. Иначе говоря, этикет – регламент формы проявления культуры поведения [1, С. 39]. Если Б.И. Бакштановский только подчеркивает связь этикета с моральным содержанием поступков и действий, то Роберт П. Вольф относит этикет к

этическому знанию вообще, наделяя этикет не только праксеологической функцией, но и гносеологической. «Этика, – пишет американский специалист в области философии, – символическое исследование того, как мы должны поступать по отношению к другим, так и по отношению к самому себе, а также исследование того, какие вещи, характерные черты или типы людей являются хорошими, достойными положительной оценки и восхищения, а какие – плохими, заслуживающими порицание и осуждение. Этика имеет дело как с общими правилами и принципами, так и с частными случаями» [6, С. 57].

Уточняя содержание понятия «этикет», некоторые исследователи обращают внимание скорее на отдельные факты, в которых находит свое проявление культура поведения, нежели на сложившиеся в обществе требования к ней. Примером этого может быть точка зрения К. Стошкуса. «Этикет, – подчеркивает он, – не просто стандарт поведения, а более или менее ритуализованная форма осмысленного общения» [15, С. 240].

Нетрудно заметить, что даже тогда, когда этикет определяется как совокупность правил поведения, внимание исследователей направляется произвольно на конкретные виды поведения, которые соответствуют этим правилам. В связи с этим в трудах, посвященных исследованию феномена «этикет», имеет место употребление термина «этикет» в самом широком смысле. Его используют не только для обозначения формализованного поведения в общественных местах, но и для обозначения вежливости, приличия, хороших манер. Получается, что под этикетом можно понимать все то, что составляет внешнюю сторону самовыражения человека в его индивидуальной и общественной активности. «Этикет, – подчеркивается у Л.Б. Волченко, – будет служить нам также словесной формой определения деликатности, вкуса, стиля жизни» [4, С. 4].

Обращаясь к исследованию этикета, Л.П. Воронкова считает, что трактовка данного феномена как совокупности правил поведения не может удовлетворять современный уровень научных изысканий в области культуры поведения своей предельной обобщенностью и потому неопределенностью. Вместо анализа особенностей правил этикета, их места в социальном регулировании автор обращается к этикетному поведению, выявляя его особенности, указывая на символизм, условность, диалогичность, присущий ему конкретно исторический и игровой характер, с чем в принципе трудно не согласиться. Здесь же Л.П. Воронкова ставит вопрос о соотношении этикета и вежливости, определяя свою позицию так: «если этикет акцентирует внимание на внешней стороне поведения, то вежливость связана с внутренним содержанием, с внутренней культурой» [5, С. 18].

Далее автор проводит различие между правилами вежливости и правилами этикета, подчеркивая при этом, что правила вежливости (политеса) более демократичны, общезначимы. Они не связаны с конкретной ситуацией и отражают внутреннюю потребность людей в гармоничном общении друг с другом. Безусловно, такая трактовка интересна, и тем не менее вопрос об отношении этикета и вежливости остается открытым. Что же касается правил поведения, то оказывается, как теоретически, так и практически трудно отличить правила этикета, от правил вежливости. Как только мы обращаемся к какому-то конкретному правилу этикета (уступить место старшему, например), оно может квалифицироваться также как правило вежливости и наоборот.

Опыт лингвистических и философских интерпретаций показал, что понятийная конструкция «этикета» значительно шире его терминологического толкования и вариантов перевода с французского. Объем понятия «этикет» вмещает в себя совокупность требований к весьма специфической стороне взаимодействия людей – уточненному обращению или обхождению. Эти требования корректируют внешнюю, формальную и обязательную линию не только поступков, но и действий, зачастую обладающую кажущейся незначительностью. Именно поэтому в системе регуляторов поведения эти правила стали называться элементарными или простыми. Этикет включает в себя правила, которые ориентируют на установление порядка в том или ином событии, в том или ином случае. Этот порядок нацелен на то, чтобы в контактах между людьми соблюдались интересы каждого, оберегалось чувство его собственного достоинства. Этикет возникает из необходимости информирования о поведении в заданной процедуре, где все действия и поступки должны быть формально определены и где воля каждого участника объединялась общей идеей. Именно это назначение этикета и определило его основное терминологическое толкование. Внимание к форме происходящего события и к индивидуальному поведению его участников, способствовало расширению смысловых границ термина «этикет»: он уже обозначал характеристику взаимодействия людей друг с другом в процессе церемоний – вежливое, уточненное, обходительное.

Как неотъемлемый элемент социальной коммуникативности, этикет выступает исторически обусловленным универсальным кодом межличностного общения и индивидуального поведения. Этикетная императивность, пронизывая все сферы деятельности людей, превращает разрозненные и стихийные поведенческие акты в единый сакрамент моральной культуры. В границах социального взаимодействия этикет

предстает как эталон, стандарт, модуль, выступает продуктом рационального поведения на уровне intersubjectивного понимания объективированного консенсуса.

Литература:

1. Бахитановский В.И. Культура нравственного сознания. – М.: Знание, 1979.
2. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. – М., 1984-1885.
3. Волченко Л.Б. Гуманизм, деликатность, вежливость и этикет. – М.: Из-во Моск. ун-та, 1992.
4. Волченко Л.Б. Этикет и мода. – М.: Знание, 1989.
5. Воронкова Л.П. Этикет в русской культуре: Учеб. пособие. – М.: Моск. педагогич. об-во, 1996.
6. Вольф Р.П. О философии: Учебник: Пер. с англ. – М.: Аспект-Пресс, 1996.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1980. – Т. 4.
8. Добродомов И.Г. Этика и этикет // Русская речь. – 1988. – № 4.
9. Мартен-Фюжсье А. Элегантная жизнь, или как возник «весь Париж», 1815-1848.: Пер. с фр. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
10. Надель-Червинская М.А., Червинский П.П. Большой толковый словарь иностранных слов: В 3 т. – Ростов-на-Дону. – 1995. – Т. 3.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1988.
12. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польс. – М.: Прогресс, 1999.
13. Словарь иностранных слов: Под ред. И.В. Лехина. – М., 1954.
14. Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. – М.: Политиздат, 1983.
15. Стошкус К. Этикет в развитии общества // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. – М.: Политиздат, 1988.
16. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Русские словари, 1994. – Т. 4.
17. Хороший тон: сборник правил и советов на все случаи жизни, общественной и семейной. – М.: Сов. писатель, 1991.